

- кричали заключенные. - Пор артисто нудо! То есть - "Надзиратель! Для голого артиста!" Я был завален бутылками вина и самой разнобразной жратвой.

Журналисты в это время набросились на полицию. Вместо того, чтобы любить террористов, писали газеты, власти сажают под замок знаменитого артиста.

Я вышел из тюрьмы, увенчанный лаврами европейской славы. Однако жизнь моя мало изменилась. Я вернулся к обычным для себя поискам случайного заработка. В одном парижском ресторане заболел посудомойщик, и я занял его место. Потом там заболел повар, и я начал готовить. А когда у них заболел певец - я начал петь.

По-настоящему удача мне улыбнулась в 84-м году, когда я снялся в короткометражке Эрика Барбье "Потерянное лицо". Эта лента получила приз как лучший короткометражный фильм года.

Меня заметили другие кинорежиссеры. Я снялся в фильме Клода Шаброля "Холодный пот", в фильме Жана Пьера Мокки "Прекрасный ребенок". На сегодняшний день я сыграл 26 ролей в кино. Своей лучшей актерской работой считаю главную роль в картине Эрика Барбье "Костер", где мне удалось создать трогательный образ оставшегося профессионального боксера - уже далеко не молодого человека, который вынужден снова выйти на ринг, чтобы как-то свести концы с концами.

- Обычно артисты говорят: моя лучшая роль - это моя последняя роль...

- Ну, последней своей ролью в кино я тоже доволен. Я, собственно, и приехал в Москву, потому что здесь началась демонстрация фильма с моим участием. Это новая картина французского комедиографа Эрве Палюда "Индеец в Париже". Главную роль в этом фильме - одного бизнесмена-работоголика - сыграл Тьерри Лермитт. Сбежавшую от него жену сыграла Миу-Миу. А я там играю бандита - такого, знаете, "нового русского", наглого де ляря, который расплачивается чемоданами наличных.

Фильм получился очень веселым. Снимаясь в этой картине, я получил колоссальное удовольствие.

- Значит, с 84-го года ваша жизнь связана только с кино?

- Нет, конечно. Я устраивал "визуансы", рисовал, организовывал свои персональные выставки, писал стихи и статьи, издавал альманах "Мулета" о русском искусстве, проводил встречи русских и французских поэтов, два года назад в качестве исполнительного продюсера снял документальный фильм об исторических связях России и Франции.

- Что доставляет вам моральное удовлетворение, когда вы думаете о своей жизни?

- Сознание того, что мне удалось не соскользнуть в дерьмо, не стать ни в какой строй - ни в коммунистический, ни в капиталистический. Мне удалось остаться независимым, делать то, что я хочу, и когда хочу. Не знаю, достиг ли я своего творческого пика и какую ценность имеет то, что мне удалось сделать. Пусть это рассудит время. Но то, что я заставил общество признать за собой право быть независимым, составляет предмет моей гордости!

Беседовал Валерий РЕШЕТНИКОВ.

Так почему же вы сбежали из Советской России?
- Я уехал в 1979 году, когда ясно понял, что ничего здесь не вытанцовывается. Я не мог реализовать себя как художник. От меня требовали встать в общий строй и смириться с почетной, но совершенно не устраивавшей меня должностью реставратора в государственных мастерских.

И дело тут даже не в милиции и КГБ. Свои же собратья-художники, плотной и агрессивной толпой стоящие вокруг пирога господачек, дружно душили каждого, кто стремился

ВИВРИСТ ПО КЛИЧКЕ "ТОЛСТЫЙ"

дал свое направление в искусстве, которое назвал "вивризм" (от французского "ля вивр" - "жизнь"). Придя к выводу, что художник за право быть творцом должен заплатить своим телом, я стал раскрашивать себя и устраивать публичные акции - "визуансы".

У меня появилась масса последователей. Сегодня это целое движение, которое, я уверен, будет жить вечно, потому что не может иссякнуть стремление художника к независимости.

То, что я стал делать, было не пропагандой направления, а самим направлением. Мои акции были результатом долгих размышлений.

Неделя - 1995 - февр. (н.ф.)

Француз, большой и шумный, метался по комнате и негодовал: "Бедная Россия! За державу обидно!" Возмуцало его у нас многое: взяточники, страх, от которого трясутся граждане великой империи, ветер, гуляющий в наших русских головах... "У нас, на Западе, мэр Рима сидит, мэр Гренобля сидит! А у вас взяточник на взяточнике, и никто не сидит!". Я слушал его возмущенные речи и думал, что этот упитанный иностранец со здоровым цветом лица все-таки не окончательно ассимилировался в своей солнечной Франции. В стопроцентного француза он так и не превратился. Иначе бы не воспринимал близко к сердцу то, что происходит на его исторической Родине.

Владимир Котляров - имя, под которым этот француз появился на свет в московском роддоме. Правда, в Париже и Москве больше известна его кличка - "Толстый". С нею мой собеседник и влип в историю - влип как скандалист, анархист, провокатор и основоположник "вивризма"...

к независимости, кто не хотел быть членом их организации, а желал оставаться самим собой и работать не по милостивому заказу сверху, а по вдохновению. Поэтому я уехал, захватив с собой краски...

- И сразу почувствовали себя свободным и счастливым?

- Далеко не сразу. Поначалу у меня было разочарование, усугубляемое тем отталкивающим впечатлением, которое производила эмигрантская среда. Люди, насквозь пропитанные советским образом жизни, приехав на Запад, устраивали свои обкомы и райкомы и начинали бороться друг с другом за деньги, выделяемые на русскую эмиграцию. Это была омерзительная возня - зеркальное отражение той жизни, от которой они бежали...

Мне было противно в этом участвовать. Тогда я впервые остро ощутил свое одиночество.

Чтобы заработать на жизнь, я подавал кирпичи на стройке, реставрировал иконы, мыл посуду в забегаловке для проституток, мостил улицы. И пытался рисовать, конечно.

На холсте ничего не получалось. Все время выходило нечто эстетское. И я понял, что совершаю ошибку, пытаюсь, уже на Западе, плыть в общем русле, держаться в рамках устоявшихся представлений об искусстве, потакать вкусам хозяев выставочных залов.

Я увидел, что на Западе, так же как в СССР, художник поставлен на колени. Только коммунистический надсмотрщик заменен капиталистическим. Бизнесмен держит художника за горло, определяет, что ему рисовать!

- Чувствую, что вас это не на шутку раздражает...

- Еще как! Я борюсь с этим всю жизнь. Я отстаиваю право художника делать то, что он хочет: сегодня рисовать реалистический пейзаж в стиле XIX века, а завтра - водить по холсту голым задом.

Как протест против положения угнетенного и поставленного на колени художника я соз-

Первую крупную акцию я совершил 1 мая 1981 года в Риме. Я раскрасил свое тело супрематическими формами Малевича и выбежал голым на улицы Вечного города, выкрикивая: "Итальянцы, берегите Папу!!!"

Карабинеры схватили меня и притащили в полицейский участок. Фартук официантки из тамошней столовой слегка прикрыл мое обнаженное и раскрашенное тело. В таком виде я предстал перед судом и отправился в тюрьму "Карчерри Риджино Челли" - самую старую тюрьму Рима.

Мне предстояло провести в ней некоторую часть моей жизни. Но еще до того как я переступил тюремный порог, вся римская пресса стала требовать моего освобождения. Дело в том, что через 13 дней после моей акции - после моего предупреждения итальянцам - Аджи стрелял в Папу!..

Когда меня привезли в тюрьму, я уже был знаменитостью. В первый же день я напился там до свиного состояния. Из всех камер мне присылали вино и угощения. "Суперори!

2.95.

Котляров Владимир